

Акулова Лариса Владимировна

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА "СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ"

В статье предпринята попытка изучения причин различного толкования повести А. С. Пушкина "Станционный смотритель". Необходимость обращения к этой теме объясняется ее актуальностью. Написанные просто и ясно, "Повести Белкина" и в частности "Станционный смотритель" являются сложными и загадочными по своему содержанию. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о том, к какому жанру принадлежат "Повести". На основании анализа автор статьи приходит к выводу, что синтез разных литературных жанров наиболее соответствует художественному своеобразие повести "Станционный смотритель". Основное внимание данной статьи сконцентрировано на изучении этико-философской мысли повести, по которой человечность, совесть - главные критерии в оценке персонажей и их поступков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 13-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Теоретик поэтического перевода Е. Эткинд в переводе придавал большое значение звуковым особенностям слов и их словосочетаниям, отмечая при этом, что в стихотворной речи свойства языка собраны в фокус. Указывая на их роль в переводе, он писал: «...В каждом языке свое собственное соотношение стилистических элементов, свои методы конструирования стиля, свои количественные и качественные особенности. Понимать закономерности этих соотношений или, во всяком случае, угадывать, чувствовать их – одна из важнейших обязанностей поэта-переводчика: ведь он стремится создать на своем языке стилистическое подобие переводимых стихов» [14, с. 202].

Переводы В. Звягинцевой являются ярким примером таких стилистических подобиий, где ей удалось воссоздать на русском языке поэтический почерк переводимого поэта, что свидетельствует о переводческом искусстве русской поэтессы.

Список литературы

1. Ованесян Р. Дикая роза. Стихи. Ереван: Советский писатель, 1988. 151 с.
2. Ованесян Р. Избранные произведения: в 2-х т. Ереван: Советский писатель, 1989. Т. 1. 180 с. Т. 2. 220 с.
3. Ованесян Р. Лампада Чаренца: Стихи, поэма [о Е. Чаренце]. Ереван: Советский писатель, 1988. 180 с.
4. Ованесян Р. Моим товарищам по счастью. Стихи. М.: Советский писатель, 1952. 125 с.
5. Ованесян Р. Молчание моря. Стихи. Ереван: Айпетрат, 1966. 260 с.
6. Ованесян Р. Отцовская песня. Ереван: Советский писатель, 1977. 190 с.
7. Ованесян Р. Песнь солнечного острова. Ереван: Советский писатель, 1980. 250 с.
8. Ованесян Р. Песня моей жизни. Ереван: Айастан, 1948. 210 с.
9. Ованесян Р. Рождение любви. Ереван: Айпетрат, 1956. 146 с.
10. Ованесян Р. Чудесный садовник. Ереван: Айастан, 1956. 100 с.
11. Ованесян Р. Чудесный садовник. Ереван: Айастан, 1970. 117 с.
12. Самойлов Д. Поэты-современники / под ред. Н. Любимова. М.: Иностранная литература, 1963. 147 с.
13. Чуковский К. Высокое искусство. Москва: Советский писатель, 1988. 355 с.
14. Эткинд Е. Поэзия и перевод. М. – Л.: Советский писатель, 1963. 430 с.
15. Hovhannisyan H. Banastehteuteunner erku grkov. Girk aragin. Yrean: Hayastan, 1971. 406 p.

THE THEME OF NATURE IN THE POEMS BY RACHIYA OVANESYAN IN THE TRANSLATIONS BY VERA ZVYAGINTSEVA

Airyán Zarui Gevorkovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Institute of Literature named after M. Abeghyan
nerses91@rambler.ru

The article is devoted to the translation activity of the poetry by Rachiya Ovanesyan by V. Zvyagintseva, his lyrics enjoyed great popularity both among the Armenian and Russian readers. The aim of the paper is conducting the comparative analysis of translations with their originals, for revealing their quality and correspondence. From the conducted analysis it follows that Zvyagintseva has succeeded with a maximum precision to approach to the meaning, style of the originals and conveyed exactly the poetic individuality of the Armenian poet.

Key words and phrases: poetry; original; free translation; rhythm; equivalence; comparative analysis; translation art.

УДК 821.161.1

В статье предпринята попытка изучения причин различного толкования повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Необходимость обращения к этой теме объясняется ее актуальностью. Написанные просто и ясно, «Повести Белкина» и в частности «Станционный смотритель» являются сложными и загадочными по своему содержанию. Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о том, к какому жанру принадлежат «Повести». На основании анализа автор статьи приходит к выводу, что синтез разных литературных жанров наиболее соответствует художественному своеобразию повести «Станционный смотритель». Основное внимание данной статьи сконцентрировано на изучении этико-философской мысли повести, по которой человечность, совесть – главные критерии в оценке персонажей и их поступков.

Ключевые слова и фразы: классический реализм; сентиментализм; романтизм; парадокс; пародия; ироническая проза; лейтмотив; идейно-эстетическая значимость; этические вопросы; художественное мышление.

Акулова Лариса Владимировна, к. филол. н., доцент
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
akulova47@bk.ru

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ»

«Повести Белкина» до сих пор остаются одним из наиболее спорных созданий русской классической литературы [2; 10]. Идейно-эстетическая и этическая значимость цикла, характеры персонажей и вымышленный

автор И. П. Белкин породили множество не только различных, но и противоположных интерпретаций. Неослабевающий интерес к данному вопросу объясняется тем, что «проблема понимания художественного произведения имеет значение не только для традиционной герменевтики, но и для осмысления историко-литературного процесса» [2, с. 3].

Как известно, критики и читатели приняли «Повести Белкина» довольно холодно. В основном звучали обвинения в несерьезности содержания и в подражании. В. Г. Белинский писал: «Вот, передо мною лежат Повести, изданные Пушкиным: неужели Пушкиным же и написанные? Пушкиным, творцом “Кавказского пленника”, “Бахчисарайского фонтана”, “Цыган”, “Полтавы”, “Онегина”, “Бориса Годунова”?» [3, с. 139-140]. Критик назвал Повести «прозаическими бреднями», свидетельствующими о том, что для Пушкина наступила «осень» творчества. Тем не менее В. Г. Белинский признал, что повести «занимательны», у них «прелестный слог», но они «не художественные создания, а просто сказки и побасенки» [Там же, с. 140].

Только через несколько лет, в 1838 г., В. Г. Белинский понял свою ошибку и осудил всех и себя самого, кто говорил о «падении» таланта А. С. Пушкина, руководствуясь лишь ограниченной субъективностью. Недооценка «Повестей Белкина» объясняется мнимой внешней простотой прозы А. С. Пушкина. Критики и читатели, не поняв и не разгадав глубину замысла автора, осудили его.

В 1830-х гг. творческие искания А. С. Пушкина шли в основном в двух направлениях. Одно из них связано со стремлением поэта запечатлеть «судьбу народную», другое – с интересом к сложному внутреннему миру обычного, современного поэту человека. Второе заметно проявилось в «Повестях Белкина».

Размышляя над состоянием русской литературы, в заметке «О поэтическом слог» Пушкин писал: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному... Произведения английских поэтов <...> исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина. У нас это время <...> еще не пришло <...> Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем» [11, с. 90].

А. С. Пушкин предвидел, что его первые реалистические произведения в прозе могут встретить недопонимание и неодобрение. Но он не отказался от ведущих принципов нового метода, для которого характерны простой слог и изображение обыкновенных людей. В своем неоконченном романе в стихах «Езерский» (1832) автор полемизирует с критиком, возмущенным появлением в произведении в качестве главного героя коллежского регистратора, как и в повести «Станционный смотритель». Критик считал, «что лучше, ежели поэт возьмет возвышенный предмет» [12, т. 2, с. 152]. Но если незначительный герой появился у Пушкина в стихотворном романе, то в прозе тем более должны избираться для изображения предметы и люди обыкновенные, описывать которые следует благородным языком «простолюдина». «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы, – считал А. С. Пушкин. – Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат» [11, с. 51]. Поэт признавал, что «Повести Белкина» вполне отвечают этим требованиям, поскольку написаны «просто, коротко и ясно». В «Повестях» автор стремился уверить читателей, что все рассказанные им истории не выдуманные, а происходившие в действительности. Русская жизнь явилась перед читателями в изображении самих рассказчиков как бы изнутри, реально и правдоподобно. Но, как отмечает литературовед Э. С. Афанасьев, «классический реализм – реализм по методу познания мира и человека, однако представители этого “философского”, можно сказать, “метафизического”, реализма исходили из идеальных представлений о внутреннем потенциале человека» [2, с. 5].

В повести «Станционный смотритель» А. С. Пушкин использовал издавна бытующий и весьма распространенный сюжет, но видоизменил его. Станционный смотритель также персонаж в литературе не новый. Так, в 1827 г. в журнале «Славянин» была опубликована повесть В. Карлгофа с таким же названием, как и у Пушкина – «Станционный смотритель». Но сходство повестей общим наименованием и ограничивается. У В. Карлгофа жизнь смотрителя радостна и спокойна, и своей должностью он вполне доволен. У А. С. Пушкина жизнь смотрителя – настоящая каторга, полная противоположность той, которую изобразил В. Карлгоф. В 1829 г. вышел в свет роман Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин», в котором одним из персонажей выступает станционный смотритель. Здесь смотритель – взяточник. Таким образом, повесть А. С. Пушкина была тесно связана с текущей литературной прозой 30-х годов XIX в. [14, с. 69-73]. Как отмечал американский славист, исследователь русской литературы Роберт Луис Белнап, «“большая литература” не “изобретается” из ничего, а скорее копирует, цитирует, заимствует, пародирует – словом, различными способами реагирует на уже написанное» [4, с. 151]. Вполне вероятно, что Пушкин читал все то, что и его современники, но он настолько по-своему, в соответствии со своим дарованием, воспринимал прочитанное, что его сочинения отчетливо несут на себе печать пушкинского гения.

В повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» литературные реминисценции тесно связаны с эпиграфом, который включается в действие. Этот эпиграф – стихи князя П. А. Вяземского: «Коллежский регистратор, почтовой станции диктатор» [12, т. 3, с. 75]. Они становятся лейтмотивом первых страниц повести, которые представляют своего рода отклик на эпизод из романа Ф. В. Булгарина и повесть В. Карлгофа. Вначале развитие событий повести идет по давно знакомым образцам, но вскоре отходит от традиционного сюжета. И самое главное – неожиданный конец повести, который заставляет читателей задуматься над тем, что казалось простым и ясным, и приводит к глубоким раздумьям и серьезным выводам. Если бы Минский

выступил в роли бесчестного соблазнителя и бросил Дуню, то весь смысл повести сводился бы к его обличению. Но в повести А. С. Пушкина все гораздо тоньше, сложнее и глубже. Драматизм переходит в глубину содержания. Повесть становится философичной. Пушкинский «вариант финала выразителен тем, что он атипичен, не соответствует какому-либо жанру повествовательной прозы» [2, с. 14].

Автор повести избегает подробных описаний, персонажи его немногословны. В Дуне он подчеркивает ее редкую красоту и подвижность: «Красота ее меня поразила»; «Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня уже возвратилась с самоваром» [12, т. 3, с. 77-78]. Автор не рассказывает, о чем идет его разговор с ней, только подчеркивает отсутствие «робости». Переживания героев А. С. Пушкин передает через восприятие других персонажей. Так, ямщик, который вез Минского, «сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте» [Там же, с. 81]. В конце повести приезд Дуни в родной дом через несколько лет, посещение ею кладбища дается через восприятие мальчика: «Я смотрел на нее издали» [Там же, с. 85]. При сжатости средств автор достигает максимальной выразительности. К тому же Пушкин не описывает чувства и переживания героев, а показывает их поведение, поступки, в которых эти чувства проявляются. В конце повести А. С. Пушкин изображает Дуню, теперь уже «прекрасную барыню», на заброшенном сельском кладбище. Дуня пришла на могилу отца, которая представляла собой «грудку песка, в которую врыт был черный крест с медным образом» [Там же]; «Она легла здесь и лежала долго» [Там же]. Эта картина немоего горя Дуни говорит о многом, больше, чем «целые страницы психологических комментариев» [13, с. 503].

В творчестве А. С. Пушкина в 1830-х гг., а также и в более поздних его сочинениях, решающим для оценки персонажей является испытание на доброту, человечность. Этико-философские вопросы, связанные с понятиями совести, долга, чести, счастья поднимаются в «Борисе Годунове», в «Евгении Онегине», в «Маленьких трагедиях», «Капитанской дочке». Глубоко и верно понял суть ответов Пушкина на эти вопросы Ф. М. Достоевский. В знаменитой речи о Пушкине, анализируя образ Татьяны и объясняя ее отказ Онегину, он писал: «А разве может человек основать свое счастье не несчастье другого? Счастье не в одних только наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа. Чем успокоишь дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок?» [7, с. 307]. Как все это подходит к судьбе Дуни. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением большинства исследователей, что Дуня обрела счастье. Прав Г. П. Макогоненко, который заметил, что подлинного счастья в повести Пушкина нет ни у кого [9, с. 139]. Счастье и благополучие Дуни только внешнее. Она чувствует свою вину перед отцом, совесть не даст ей покоя. В жизни Минского также нарушилась гармония. Трагедия зрителя, судьба Дуни не могли не отразиться на его душевном состоянии. Эту же мысль Пушкин проводит в трагедии «Борис Годунов». Монолог царя Бориса «Достиг я высшей власти...» прямо говорит о том, что только от состояния совести человека зависит его счастье или несчастье. «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста» [12, т. 2, с. 370]. О пробудившейся совести говорит притча о блудном сыне, которая вводится в повествование о станционном смотрителе, и его дочери в виде картинок, украшающих его жилище. Мотив раскаяния в истории о блудном сыне является для Пушкина главным, так как он прямо соотносится с судьбой Дуни. Человеческая ценность того, кто, осознав ошибочность и порочность своеволия, вернулся в отчий дом дорогой скорбей, унижений, искушений, оказывается не ниже в сравнении с тем, кто не покидал родного дома, добросовестно трудился, соблюдая установленный порядок. Важно только вовремя раскаяться, не опоздать. Дуня опоздала.

Несмотря на серьезные этико-философские проблемы, поставленные А. С. Пушкиным в «Повестях Белкина», некоторые современники поэта воспринимали их только как пародию на сентиментальные и романтические произведения. Оттого так веселился поэт Е. А. Баратынский, когда читал повести А. С. Пушкина. В письме П. А. Плетневу 9 декабря 1830 г. Пушкин сообщал: «Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется...» [11, с. 466]. Такое восприятие повестей становится понятным, если учесть, что важной стилистической особенностью их является ирония. Это чувство реальной, жизненной правды, чуждающееся фальшивых идеалистических прикрас, отметил у Пушкина И. С. Аксаков. Критик тонко понял суть пушкинской иронии как принадлежности его реалистического стиля: «... правда согрета и освещена теплым светом сочувствия, но в то же время ограждена в читателе от ложной окраски тонкою, незлобивою иронией! Вот эта способность шутки, это присутствие иронии в уме – <...> коренная, народная черта истинно русского человека: это постоянно присущий русскому человеку антидот против всякой излишней, а потому и фальшивой идеализации и против собственного самообольщения. Такой грациозной шуткой и доброй умной иронией, прикрывающей иногда легкой формой глубокую, серьезную мысль и целую перспективу мыслей, обилует поэзия А. С. Пушкина...» [1, с. 273]. В полной мере это относится и к пушкинской прозе.

Сочетание свойств различных жанров в рамках одного произведения также способствовало появлению многообразных трактовок «Повестей Белкина». Исследователь творчества Пушкина Г. П. Макогоненко выделял три группы критиков [9, с. 111-121]. Первые из них стремились усложнить проблематику повестей, возводили их в ранг больших философских категорий. Вторые – находили в повестях не подражательность, а пародирование жанра сентиментальных и романтических повестей. Третьи – утверждали, что Пушкин использовал мотивы романтических произведений, освоил опыт романтиков, чтобы подчинить его реалистическому изображению. Но наиболее верным представляется путь синтеза, а не обособления отдельных жанровых элементов в «Повестях Белкина». Этот цикл повестей сочетает в себе черты пародирования, парадокса, романтической традиции в рамках реалистического по преобладающим свойствам метода. Как справедливо отметил Ю. М. Лотман, в творчестве А. С. Пушкина 1830-х гг. «обрисовывается сочетание самого

трезвого, свободного взгляда наблюдателя жизни, с одной стороны, и, с другой стороны, – утописта, в сознании которого постоянно присутствует идеал <...> духовного богатства, <...> высокой нравственности, желание пробудить покаянные чувства в том, кто наслаждается жизнью» [8, с. 158]. Наличие в повести «Станционный смотритель» признаков утопии можно считать правомерным, если учесть тот факт, что и сам А. С. Пушкин называл свои повести сказками. Так, в письме П. А. Плетневу 15 августа 1831 г. он сообщал: «Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ив. П. Белкина»; и далее: «В сказке “Смотритель” назвать гусара Минским, <...> эпитафии печатать перед самым началом сказки, а заглавия сказок на особом листе...» [11, с. 476]. Настойчиво, несколько раз А. С. Пушкин называет свои первые реалистические повести сказками. Возможно потому и называл их сказками, что главной художественной мыслью этих сочинений является утопическая мечта о несбыточном – пробуждение «покаянных чувств в том, кто наслаждается жизнью». Тогда приезд Дуни в отчий дом и посещение ею кладбища – только желанная мечта автора.

Различное толкование повестей А. С. Пушкина связано также с той особенностью его художественного метода, которая заключается в недоговоренности. Автор предоставляет читателю возможность думать, размышлять, и каждый «позволяет себе досказать за Пушкина мысли, им не высказанные» [5, с. 31].

По мнению современных исследователей, «в процессе интерпретации произведение как бы творится заново; фактически – это процесс сотворчества с автором, поскольку интерпретатор идет по его следам, т.е. вникает в логику его художественного мышления» [2, с. 4]. И если учесть, что каждое слово А. С. Пушкина – это «бездна пространства» [6, с. 13], то вполне закономерным представляется различный подход к его художественным созданиям, в том числе и к повести «Станционный смотритель».

Но для того, чтобы этот подход был научным, а не произвольным, при анализе повести необходимо учитывать замысел автора; идейную, а также и тематическую связь с другими его сочинениями данного периода творчества; литературное окружение писателя и его отклик на текущую литературу того времени, и, конечно, критические работы по данной теме, от современных автору до новейших исследований. Таким образом можно контролировать адекватность интерпретации исследователем произведения писателя и, составив собственное мнение, дать серьезное, научно обоснованное его толкование.

Список литературы

1. Аксаков И. С. Речь о А. С. Пушкине // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 263-280.
2. Афанасьев Э. С. Феномен художественности: от Пушкина до Чехова: сборник статей. М.: Изд-во МГУ, 2010. 296 с.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1953-1957. Т. 1. 565 с.
4. Белнап Р. Л. Творчество как трансформация (Достоевский и оригинальность) // Вопросы литературы. 1988. № 11. С. 151-166.
5. Гиппиус В. В. Повести Белкина // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М. – Л.: Наука, 1966. С. 7-45.
6. Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Дань признательной любви: Русские писатели о Пушкине / автор составитель? вступл., сост. и примеч. О. С. Муравьевой. Л.: Лениздат, 1979. С. 7-14.
7. Достоевский Ф. М. О русской литературе. М.: Современник, 1987. 399 с.
8. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
9. Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830-1833). Л.: Художественная литература, 1974. 374 с.
10. Непомнящий В. С. На фоне Пушкина: в 2-х т. М.: Эгмонт Россия, 2014. Т. 1. 479 с.
11. Пушкин А. С. Мысли о литературе. М.: Современник, 1988. 639 с.
12. Пушкин А. С. Сочинения в 3-х т. М.: Художественная литература, 1985-1987. Т. 2. 527 с.; Т. 3. 528 с.
13. Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М.: Художественная литература, 1963. 527 с.
14. Турбин В. Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М.: Просвещение, 1978. 239 с.

ON INTERPRETATION OF THE STORY BY A. S. PUSHKIN “THE STATION MASTER”

Akulova Larisa Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
akulova47@bk.ru

The article aims to analyze the reasons for different interpretation of the story by A. S. Pushkin “The Station Master”. Focusing on this theme is conditioned by its relevance. Written in a clear and simple language, “The Belkin Tales”, in particular “The Station Master”, are complicated and mysterious in their content. The problem of “Tales” genre is still debatable. Relying on the analysis the author concludes that the synthesis of different literary genres fits well with the artistic originality of the story “The Station Master”. The paper focuses on studying the ethical and philosophical thought of the story according to which humanity and conscience are the basic criteria to evaluate the personages and their actions.

Key words and phrases: classical realism; sentimentalism; romanticism; paradox; parody; ironical prose; leitmotif; ideological and esthetic value; ethical problems; artistic thinking.